

С. Г. Маслинская

ORCID: 0000-0001-7911-4323

✉ braunknopf@gmail.com

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)

«КАК В ДЕТСТВЕ ПОБЫВАЛА»: МНEMONИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РЕСАЙКЛИНГА СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Аннотация. В статье рассматривается издательский ресайклинг в области детской книги. В центре исследовательского внимания — изучение переиздания советской детской литературы в 2007–2019 гг. и реакция читателей на предлагаемые издания. На основе анализа состава наиболее тиражных авторов советской детской литературы выявлено, что самыми популярными у издателей оказываются Корней Чуковский, Агния Барто, Самуил Маршак, Николай Носов и Александр Волков, соответственно их произведения можно считать ядром канона советской детской литературы. Среди социальных практик, направленных на консервацию и воспроизведение канона чтения, рассмотрены как издательские (выпуск серий, отбор переиздаваемых авторов), так и читательские практики: составление ретроспективных списков чтения, сравнение современных переизданий с советскими первоисточниками (сличение текстового и визуального материала), чтение переизданий с издательскими комментариями. Ностальгический дискурс о книгах, прочитанных в детстве, направлен на поддержание групповой идентичности читателей, основанной на общем опыте чтения в детстве.

Ключевые слова: советская детская книга, формы культурного ресайклинга, ностальгия, переиздание, канон чтения, память

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00414, «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)»).

Для цитирования: Маслинская С. Г. «Как в детстве побывала»: мнемонические эффекты ресайклинга советской детской книги // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 151–167. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-151-167>.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.
Принято к печати 3 декабря 2020 г.

S. G. Maslinskaya

ORCID: 0000-0001-7911-4323

✉ braunknopf@gmail.com

Institute of Russian Literature (The Pushkin House),
Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)

“AS IF I VISITED MY CHILDHOOD”: MNEMONIC EFFECTS OF CULTURAL RECYCLING OF SOVIET CHILDREN’S BOOKS

Abstract. In this article the process of cultural recycling is discussed using the case of children’s books. The focus of the research is on the reprinting of Soviet children’s literature during 2007–2019, as well as readers’ reviews of these reprinted editions. Analysis of the print runs reveals that Kornei Chukovsky, Agniia Barto, Samuil Marshak, Nikolai Nosov and Alexander Volkov were the five top best-selling Soviet children’s authors in this period. Hence their works may be considered the core of the Soviet literary canon for children. Social practices that support conservation and reproduction of the canon of children’s reading are discussed. Publishers devote book series to the reprints of Soviet works and engage in the selection of the reprinted authors. Readers, for their part, compile retrospective reading lists, compare modern reprinted versions with the original editions (looking for mismatches in text and illustrations), and pay attention to editors’ comments in the reprinted editions. Nostalgic discourse about Soviet children’s books serves contemporary Russian parents to reinforce their group identity based on the common reading experience in childhood. The preservation and revival of a book is enabled by three key features: a weak connection of the book’s content to the Soviet political agenda, a renowned illustrator and recognizable book design, and, finally, adult nostalgia for the book read in childhood.

Keywords: Soviet children’s books, forms of cultural recycling, nostalgia, reprint, reading canon, memory

Acknowledgements. This research was supported with a grant of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00414, “Soviet Culture Today (Forms of Cultural Recycling in Russian Art and Aesthetics of the Everyday Life. 1990s–2010s)”).

To cite this article: Maslinskaya, S. G. (2021). “As if I visited my childhood”: Mnemonic effects of cultural recycling of Soviet children’s books. *Shagi / Steps*, 7(1), 151–167. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-151-167>.

Received September 14, 2020
Accepted December 3, 2020

Остается только вспоминать,
какие были книжки для детей...
Реплика в Интернете

Воспоминания о круге детского чтения — заметная часть ностальгического дискурса о детстве. Проблема забывания или припомнения книг из круга чтения тесно связана с поддержанием памяти о собственном детстве. В припомнении детства XX в. книги как материальные объекты можно поставить в один ряд с игрушками, фотоальбомами, рисунками, поделками, одеждой, сохранившимися на чердаках и антресолях. В отличие от названных «ностальгических предметов», составляющих семейный архив, книги обладают большей витальностью: те, кто хранит «книги детства» в домашних библиотеках, могут их перечитывать и читать своим детям. Впрочем, и фотоальбом можно перелистывать и умиляться временем, «когда мы были молодыми», и перебирать детские вещицы 50-летней давности... Однако в случае с книгами есть важное отличие: их можно печатать заново, переиздавать. Конечно, и советские игрушки вроде «неваляшки» или юлы сейчас выпускаются, но их тиражи и соответственно распространенность гораздо ниже, чем книг, написанных в советское время и переиздаваемых сейчас десятками издательств. Книги в этом контексте скорее сопоставимы с мороженым «Как раньше» или дисками с песенками из советских мультфильмов. Припомнить вкус детства, голоса актеров и иллюстрации в книге — важная сенсомоторная составляющая ностальгии о прошлом. Покупка утраченной книги в букинистическом магазине или приобретение ее нового переиздания — типичный путь обретения связи с детством; в нашем случае речь пойдет о позднесоветском детстве. Здесь возникает напряжение между узнаваемым, припоминаемым и забытым. Изучению этого напряжения посвящена предлагаемая статья.

Читательские списки и издательские серии

У носителей памяти о книгах, прочитанных в детстве, есть потребность воспользоваться одной из мнемонических техник — записать то, что боишься забыть. В различных сообществах и социальных сетях это могут быть записи о какой-нибудь одной книге¹, а могут быть списки таких припоминаемых книг, которые публикуются с преуведомлениями:

С этими книжками мы прятались под одеялом с фонариком, потом под партой на скучных уроках. Они уносили нас в другие миры. И мы устремлялись сквозь пространство и время — в волнующие космические дали, в интригующий двадцать первый век... Возможно некоторые из них вам захочется перечитать! [Сергей 2015]².

Ретроспективные списки могут иметь жанровые ограничения (как в приведенном выше примере), но в подавляющем большинстве это смешанные ре-

¹ Примером такого индивидуального блога является рубрика «Была такая книжка» Александра Ливенцова в Facebook.

² Здесь и далее в цитатах сохранены орфография и пунктуация источников.

естры, куда попадают произведения разных авторов, разных жанров, разного объема и размера, разного типа издания и оформления. Объединяющий принцип один — воля составителя списка. А сам список становится индивидуальным ядром коллективного ностальгического канона.

Формирование последнего можно уподобить возникновению небесных тел под влиянием сил гравитации. Сначала некие любители советской детской книги собирают ее в списки: «11 советских книг-шедевров для детей, которые забыли совершенно незаслуженно», «Лучшие советские книги для детей», «Лучшая советская литература», «30 детских книг, которыми зачитывались советские школьники» или «С любовью из прошлого: лучшие советские детские книги». Как правило, это не очень большие списки (10–20 произведений или изданий). Эти подборки призваны напомнить о статусе советской детской книги и о составе «золотой полки»³. К совершенствованию списка подключаются его читатели, в комментариях предлагающие его дополнить (редко предлагают что-нибудь исключить). Гравитационные силы спрессовывают канон: какие-то произведения дублируются (сопровождаемые репликами читателей «да-да, я помню эту книгу, у меня была такая в детстве») — ядро как бы становится плотнее; какие-то произведения добавляются к списку или маячат рядом, не привлекая внимания других читателей списка.

Набор книг в этих списках варьируется. Списки ширятся, дополняются новыми и новыми названиями, вытащенными из закромов памяти о чтении в детстве. На отдельных ресурсах можно обнаружить списки, состоящие из сотен книг. Так, на сайте русскоязычного интернет-проекта LiveLib был опубликован список «Забытые детские и подростковые книги», состоящий из 756 книг [shila 2013]. Очевидно, что речь не идет об индивидуальной памяти, такое количество произведений выходит за ее границы. Задача такого списка — манифестация масштаба и объема поколенческой коллективной памяти о круге чтения. Ее функция, как пишет М. Б. Ямпольский, «не сохранение прошлого, но сохранение коллектива и трансляция общего для него “архива”» [Ямпольский 2007: 54]. Архив такого масштаба по определению не может быть общим, однако он помогает его пользователям идентифицировать себя с кругом людей на основе частичного совпадения интересов. В конечном итоге этот список прежде всего нужен для внимательного прочтения его (и аннотаций к изданиям), он вряд ли способен выполнить характерные для таких списков, создаваемых библиотекарями, рекомендательные функции⁴. Чтение такого списка с начала (или с середины) и до того места, «пока не надоест», определяется его мнемоническим эффектом, а припоминание книг — достаточное следствие ознакомления с ним.

Ознакомиться со списком — это способ обозначить групповую идентичность тех, кто читал и ценит «лучшую советскую детскую литературу». В то

³ Бывают и списки с более широким охватом книжной продукции («Коллекция книг из детства», «Любимые книжки нашего детства» и пр.), в которые входят и зарубежная литература, и русская хрестоматийная классика (сказки Пушкина и пр.). В фокусе моего внимания только списки советской детской литературы.

⁴ Об отличии обсуждаемых списков от тех, что выпускаются под грифом различных культурных институций, и о характерных особенностях этих реестров см.: [Головин и др. 2013].

же время можно встретить списки, имеющие дополнительную прагматику — сформировать круг чтения для нынешних детей-читателей (соответственно название у списка будет несколько иное: «30 советских детских книг, которые стоит прочесть с детьми»). В этом случае запускается другая функция таких реестров — представить канон не как список для ознакомления и припоминания, а как набор книг для обязательного прочтения новым поколением читателей — детьми. Фрагментированный индивидуальный круг чтения суммируется такими списками в некое единое целое, которое призвано не только объединить читателей в воображаемое сообщество ценителей советской детской книги, но и зафиксировать некий самодеятельный канон. Это та эманация канона, которая возникает независимо от институционального влияния, для его создания не нужны специальные усилия издателей, учителей и книгопропагандистов.

Как бы в ответ на такой запрос издатели группируют выпускаемые книги в специальные серии: «Любимая мамина книжка» и «Любимая папина книжка» (издательство «Речь»), «Вся детская классика» (АСТ и «Астрель»), «Новые старые книжки» («Энас-книга»). Как видно, названия этих серий варьируют названия списков, составленных из ностальгических и мнемонических соображений, однако определение *советский* из них изъято. Издатели не берутся эксплуатировать советский бренд, рассчитывая, что взрослые, покупающие книги для детей, ориентируются на свою индивидуальную память о книгах, прочитанных в детстве: «Серия “Новые старые книжки” воссоздает классику отечественной литературы для детей. Чтобы помнили, чтобы ценили, чтобы гордились», — утверждает заведующая детской редакцией издательства «Энас-книга» Наталья Ерофеева [б. д.]. И не столь существенным оказывается, было это детство советским или постсоветским. Люди разных поколений, в том числе выросшие в 1990-е годы и покупающие сейчас книги своим детям, выбирают из того круга книг, которые они читали в своем детстве, независимо от того, было оно советским или нет.

Что и как воссоздается в современных переизданиях советской детской литературы?

Кого переиздают чаще

Фокусируясь вокруг переизданий советских авторов для детей, хочется понять, какие авторы советского периода российского книгоиздания остаются в читательском поле, а какие вышли из него и рискуют быть забытыми. Российская книжная палата в последние годы публикует статистические данные о наиболее издаваемых и тиражных авторах детской литературы. С 2005 г. публиковались сведения «10 авторов детской литературы, произведения которых были изданы в России наибольшими тиражами», с 2012 г. открытыми стали данные о 20 наиболее тиражных авторах⁵. Анализ состава наиболее издаваемых авторов показывает, что общий тираж всех авторов детской литературы стабильно падает в течение последних 15 лет. В 2006 г. было издано почти

⁵ См. данные статистического сборника «Печать Российской Федерации» за 2012–2019 гг. (<http://www.bookchamber.ru/statistics.html>).

16 млн экз., к 2019 г. — всего около 7 млн экз. Общая доля всех советских авторов в тираже топ-10 колеблется вокруг отметки в 50% (трехлетнее среднее держится в пределах 45–55%) с отдельными провалами и взлетами, которые, скорее всего, объяснимы разными случайными и внешними факторами. Резкий провал доли советских авторов в 2006–2007 гг. (около 35%) объясняется публикацией в этот момент высокотиражных книг Дж. Роулинг. В топ-10 из авторов, которые состоялись как детские писатели в советское время и ушли из жизни до 1985 г., вошли Корней Чуковский, Агния Барто, Самуил Маршак, Николай Носов, Александр Волков. Стоит включить в этот список и Сергея Михалкова (умер в 2009 г.), известность к которому пришла в 1930-е годы⁶. Такой состав самых публикуемых авторов говорит о том, что в последние 14 лет востребованы стихи поэтов, адресованные самым маленьким читателям (Чуковский, Барто, Маршак, Михалков), и сказки прозаиков, писавших для дошкольников и младших школьников (Носов и Волков).

Общая доля поэзии для дошкольников держится вокруг отметки в 40%, а доля прозы для младших школьников — 10%. Другими словами, $\frac{4}{5}$ (80%) от самых тиражируемых советских книг приходится на поэзию для дошкольников (т. е. прежде всего на Чуковского и Барто как самых тиражируемых), хотя и наблюдается тенденция к постепенному снижению этой доли. Очевидное объяснение такому издательскому ответу на читательский запрос состоит в том, что для этой возрастной группы читателей (от двух до пяти) авторитетными взрослыми, выбирающими книгу для чтения, являются прежде всего родители (в меньшей степени воспитатели дошкольных учреждений и учителя начальной школы, хотя их приоритеты — склонность к «советской детской классике» — тоже стоит учитывать). Пристрастие к поэзии как виду литературы для детей от двух до пяти — часть более общих тенденций в педагогике детского чтения, нежели может показаться на первый взгляд. Это не специфическая черта именно российской истории чтения родителей детям, однако значимость поэзии в современной России как материала для первого чтения родителей детям стоит отметить.

Какие издательские тенденции, связанные с этими авторами, можно обнаружить? Чуковский с 2005 г. удерживает первое место среди переиздаваемых советских авторов (пик переизданий — более 3,5 млн экз. в 2010 г., менее 2 млн в 2019 г.). За ним следует Барто (пик — чуть более 2 млн экз. в 2008 г., около 0,5 млн в 2019 г.). Тиражи остальных советских авторов из списка остаются примерно на одном уровне, с периодическими провалами (как тиражи Маршака в 2014 г.) и подъемами. Резкое снижение показывает Михалков — после 2008 г. вообще исчезает из топа и ненадолго возвращается обратно на более низких позициях с примерно вдвое меньшими тиражами только в 2016–2017 гг. С 2016 г. в топ-20 входят ранее не достигавшие таких тиражей советские авторы — Владимир Сутеев и Виталий Бианки — с общей тиражностью книг на уровне Волкова и Драгунского. Это может объясняться как ростом их собственной популярности, так и выпадением прежних «лидеров» (например, Михалкова) из топ-20 на фоне общего снижения объема и диверсификации рынка.

⁶ Вне рассмотрения по разным причинам оставляю Эдуарда Успенского, Григория Остера и Андрея Усачева, также вошедших в топовые списки Книжной палаты. Кроме того, в топ-20 из советских авторов с 2012 г. вошел Денис Драгунский.

Тем не менее тенденция спустя сто лет переиздавать поэтов, начинавших в 1920-е годы, и прозаиков, опубликовавших свои первые произведения в самом конце 1930-х годов и продолживших творить в два послевоенные десятилетия, требует комментария. Поэты, работавшие в разных жанрах — поэмы (сказки Чуковского), стихотворных миниатюр (цикл Барто «Игрушки») и сюжетных стихотворений («Пожар», «Багаж», «Почта» Маршака), — после двух десятилетий жесткой критики и вынужденного конформизма достигли пика своей славы и тиражей в 1950—1960-е годы и удерживали первенство до заката советской власти. Их феноменальная известность и даже кульп, сложившийся еще при жизни каждого из них (и основания культа, и среда почитателей их талантов сильно разнились и покрывали в общем-то вкусовые предпочтения и мировоззренческие установки самых разных групп и слоев советского общества), способствовали устойчивости их репутации как главных советских поэтов для детей. Сравнимый с ними по популярности в то время Михалков, занимавший высокие административные посты и писавший сервильные стихи вроде «В музее Ленина» (и ревниво относившийся к конкурентам), в последние годы заметно подрастерял своих почитателей, его издательский рейтинг падает год от года и можно прогнозировать, что будет и дальше снижаться⁷. В то же время статус тех, кто был в авангарде создавшейся советской поэзии для детей в 1920-е годы, оказался устойчивее, чем статус тех, кто творил позже в обход запретов, — обэриутов, поэтов «лианозовской школы» и тех, кто, например, след в след шел по стопам титанов, как, например, Борис Заходер, Валентин Берестов и Елена Благинина. Отцы-основатели Чуковский и Маршак и примкнувшая к ним Барто создали прецедентные тексты и получили такие возможности к их тиражированию, что большинство советских и постсоветских русскоязычных читателей хранят их названия и строчки в своей памяти. Многолетнее перечитывание (точнее, чтение детям, а затем и внукам) способствует сохранению их имен в издательском топе.

Несколько иная ситуация сложилась вокруг серийных сказочников Волкова и Носова (для популярности Носова, конечно, важны и его юмористические рассказы). По-видимому, основной причиной сохранения их в каноне детского чтения стало включение их произведений в списки внеклассного чтения для младших классов, хотя, конечно, абсолютизировать этот критерий нельзя. Оба автора были действительно очень популярны в военную и послевоенную пору. Сохранилось много свидетельств об этом читателей 1940—1980-х годов. Более того, тиражи Волкова были стабильно высокими не только в советское время, но и в 1990-е годы (за период с 1997 по 2012 г. только в Москве «Волшебник Изумрудного города» был переиздан 85 раз тиражом около 1,5 млн экз. [Гончарова 2014: 47]). Можно высказать предположения о причинах этой популярности, но все они будут грешить спекулятивностью (юмористические

⁷ Можно предполагать, что снижение рейтинга Михалкова объясняется очевидной укорененностью его поэзии в реалиях советской повседневности, а не только их политической ангажированностью. Необходимы дополнительные сравнительные исследования поэтики названных авторов, чтобы прояснить, насколько наличие в произведениях утративших актуальность реалий советской жизни влияет на популярность произведений у современных читателей. «Рассказ о неизвестном герое» Маршака и «Дядя Степа» Михалкова сейчас потеряли благосклонность читателей, а переводы английской детской поэзии, выполненные Маршаком, — нет.

рассказы для младших школьников в советское время писал не только Носов, да и циклы сказок — не уникальное достижение Волкова и Носова). Думается, что основная причина популярности сказок была сформулирована еще Маршаком — они «немножко вне времени» [Маршак 1972: 155]. Маршак и сам свои стихи для детей 1920-х годов, которые как раз и переиздаются, писал «для вечности», в отличие от стихов 1930-х, когда «натиск времени на вечность стал сильнее» [Гаспаров 2001: 412, 416]. Незнайка Носова тоже оказался героем вне времени.

Так или иначе, Чуковский, Маршак, Барто, Волков и Носов на данный момент составляют ядро канона советской детской литературы. Их произведения — ключевые тексты русской литературы. Мария Литовская предложила относить советскую детскую литературу к ключевым текстам наравне со школьной классикой:

При сложившейся в России практике раннего знакомства ребенка с чтением, воспитываемого отношения к книге как сакральному предмету, довольно четко обозначенном круге обязательного дошкольного чтения (стихотворения Агнии Барто, Елены Благининой, Самуила Маршака, Сергея Козлова, Сергея Михалкова, Корнея Чуковского и др.) именно предназначенная для детей литература оказывается самым массовым чтением. Характерное для детского типа знакомства с литературой многократное перечитывание одних и тех же текстов приводит к тому, что именно эти любимые ребенком тексты усваиваются лучше всего. Многие стереотипные представления и образы, речевые клише и формулы именно на этом этапеочно входят в картину мира носителя определенной культуры [Литовская 2012: 68–69].

В силу этих свойств усвоения детской литературы любые искажения при перепечатке текстов произведений названных авторов воспринимаются с настороженностью. Так, в издании «Мойдодыра» в серии «Любимая мамина книжка», вышедшем в «Речи» в 2018 г., читательница обнаружила замену слова:

По тексту нашла небольшое отличие, здесь напечатано:

А за ним и бутерброд:
Подбежал — и прямо в рот!

Нам привычнее, что бутерброд подскочил, но это мелочи ([Labirint.ru, 2017](#)).

Здесь не столько важна снимходительная оценка этой замены, сколько показательно пристальное внимание к точному воспроизведению канонического текста. Размеры этих произведений столь невелики, а сохранность их в памяти столь высока (перечитывание Чуковского и Маршака в современной русскоязычной культуре на порядок выше, чем Пушкина или Лермонтова), что требование их точного печатного воспроизведения становится близким к акаде-

мическим требованиям издания школьных классиков. Заметим в скобках, что академических изданий названных авторов не существует. Текстовую цензуру изданий осуществляют не научные институции, а массовый взрослый читатель, знающий их наизусть и узнавающий их «в лицо».

В попытках узнать

Взрослые читатели покупают «советскую детскую классику» по тем же причинам, по которым они читают списки оной в Интернете, — чтобы вспомнить свое детство. Ср. отзывы на сайте онлайн-магазина «Лабиринт»:

Ах, книжки моего детства!!! «Речь» сделала этой серией («Любимая мамина книжка». — С. М.) огромный приятнейший сюрприз!! Книги именно в том виде, как были изданы первоначально! И в отличном качестве как бумаги, так и исполнения! Супер! (Labirint.ru, 2019; о Н. Носове).

Книжка из детства. Зачитана в свое время до дыр. Купила для дочери, но и сама иногда рассматриваю ее и погружаюсь в ностальгию (Labirint.ru, 2017; о С. Маршаке).

Это была моя любимая книга в детстве. Помню, как я, затаив дыхание, слушала эту сказку и просила читать еще и еще (Labirint.ru, 2016; о К. Чуковском).

Нам с сыном очень нравится эта книга. Когда взяла в первый раз книгу в руки, то будто детство вновь вернулось..... Такая же книга была и у меня с братом, да и картинки такие знакомые и пахнут детством и беззаботной радостью! (Labirint.ru, 2018; о Я. Тайце).

Замечательная книга! С детства знакомые рисунки Конашевича :) Как увидела, сразу в памяти все всплыло. Качество печати отличное. Спасибо издательству «Мелик-Пашаев» за переиздание (Labirint.ru, 2014; о С. Маршаке).

С удовольствием прочитали эту книгу с сыном первоклассником по очереди за два дня! Оторваться невозможно от этого текста, от этих замечательнейших иллюстраций В. Чижикова, иллюстраций из моего детства! !! Мои сыновья разделяют мою любовь к творчеству Чижикова, мы вместе собираем коллекцию книг с его работами! (Labirint.ru, 2020; о К. Чуковском).

Для большинства откликов характерны формулировки наподобие «купила книжку из ностальгических чувств — у меня такая же была в детстве». Издательство «Росмэн» запустило серию с близким названием «Та самая книжка», в которой выходят репринты изданий Аркадия Гайдара, Татьяны Александровой, Николая Носова, Геннадия Цыферова и др. В обращении к покупателям издатели пишут:

Дорогие мамы и папы, бабушки и дедушки! С какой теплотой и любовью мы порой вспоминаем книги нашего детства, которые остались неизгладимый след в нашей душе! И если вдруг на книжном развале или в витрине букинистического магазина встречаем одну из тех книг — в потрепанной обложке, зачитанную до дыр, — с каким удовольствием мы берем ее в руки, перелистываем и вспоминаем те радостные минуты, которые она когда-то подарила нам... «Та самая книжка!» — хочется воскликнуть и поделиться этой радостью от встречи с книгой из детства со своими детьми и внуками, чтобы и они, открывая для себя мир книги, могли испытать подобные чувства. Но книги из нашего детства становятся все большей редкостью. «Та самая книжка» — это двойная радость. Радость наших детей от первой, запоминающейся на всю жизнь встречи с удивительными героями детских книг и наша собственная радость от встречи со старыми, любимыми друзьями. «Та самая книжка» — это возможность представителям нескольких поколений семьи познакомиться с лучшими детскими книгами вместе. Ведь после их прочтения и у нас, и у наших детей возникнет столько новых впечатлений и дорогих воспоминаний, которыми можно обменяться (Livelib.ru, б. д.).

В этом издательском манифесте представлены опоры ностальгического дискурса о книге детства: тактильное узнавание («мы берем ее в руки, перелистываем и вспоминаем те радостные минуты»), эмоциональные переживания узнавания («радость от встречи со старыми, любимыми друзьями»), межпоколенческий и межличностный каналы связи через уподобление («они [дети], открывая для себя мир книги, могли испытать подобные чувства») и обмен впечатлениями («возникнет столько новых впечатлений и дорогих воспоминаний, которыми можно обменяться»).

«Узнавание» — это ключевая категория при описании социальных практик, связанных с переизданными советскими книгами. Первое, что обращает на себя внимание, это регулярное сопоставление читателями купленного переиздания с книгами, которые сохранились в библиотеке с советских времен, или другими переизданиями, купленными позже:

Наткнулась случайно на данную книгу и какую бурю эмоций испытала!!!! Такая же была у меня в детстве и как я её любила!!!! И картинки один в один. Обязательно закажу, моя бесследно пропала (Labirint.ru; 2019).

Максимально точное совпадение с той книгой, которую читал в детстве, — достаточный критерий для высокой оценки переиздания. Впрочем, тем фактом, что одна и та же книга в советское время издавалась в нескольких версиях, в особенности с разными иллюстрациями, обусловлено детальное сравнение переизданий, предпринимаемое читателями.

В отзывах на книготорговых сайтах покупатели сравнивают цветопередачу, расположение иллюстраций на странице, полноту деталей и др. Такое серьезное внимание читателей к оформлению видно, например, в отзывах об издании «Волшебника Изумрудного города» Волкова, вышедшем в издательстве «Малыш» (АСТ) в 2020 г.:

Но главный сюрприз меня ждал, когда я открыла книгу — знакомые до последней черточки иллюстрации Владимира заиграли здесь новыми радужными красками, они значительно более светлые и воздушные, чем те, что были в моей детской книге.

По сравнению с современными детскими изданиями, в которых порой ярких картинок больше, чем текста, здесь иллюстраций не слишком много, однако они удачно расположены, хотя, конечно, не на каждой странице. Иллюстрации разнокалиберные — есть и крупные, и средние, и маленькие. Форзацы цветные, традиционно представляют карту страны Гудвина.

Бумага в данном издании офсетная, белая, средней плотности. Шрифт очень четкий, крупный, для самостоятельного чтения детьми самый подходящий (Book24.ru, 2015).

Для сравнения выкладываю несколько иллюстраций из своей старой книги (издательство «Советская Россия» Москва 1971 г.) (Labirint.ru, 2014).

При сравнении данного экземпляра с книгой 1980 года выпуска я обнаружила, на мой взгляд, пару минусов в новом издании:

1. Несколько рисунков оказались «разорванными» и их части расположили на разных страницах (фото 7 и 8). В принципе, на восприятие иллюстраций новое размещение картинок не влияет, но, по-моему, в старом варианте они смотрелись более целостно.

2. В новой книге не досчиталась порядка 3 иллюстраций, например, не обнаружила этого замечательного Страшилу (фото. 9) (Labirint.ru, 2014).

Книга достаточно большого формата. Иллюстрации Леонида Владимира присутствуют не полностью, в отличие первых изданий книги. Нет, например крупной интересной иллюстрации, где Элли разговаривает с королевой полевых мышей (Labirint.ru, 2020).

«Волшебника изумрудного города» с иллюстрациями Леонида Владимира удалось заполучить только с третьего раза. Мой домашний экземпляр 1958 года издания достался мне уже изрядно потрёпанным, без первых страниц, с «дополненными» чьей-то детской рукой иллюстрациями. И вот после полугодовой охоты книга издательства «Малыш» у меня в руках. (...) Иметь именно этот вариант одной из самых популярных детских книг в домашней библиотеке, конечно же, нужно. Но... стала сравнивать иллюстрации в книге 1958 года и полученной только что — недоумение! А далее игра «Найди 10 отличий». Иллюстрация «Встреча с Виллиной»: дорисованные на дереве груши, иное расположение цветов на первом плане. Иллюстрация «У замка Людоеда»: башни замка поменяли форму, зато башня крепостной стены украсилась вилкой и ножом, которых ранее не было; белку же на иллюстрации просто замазали. На иллюстрации «Секреты Гудвина» у Льва и Тогошки дорисованы красные языки, а вазу в нижнем правом углу снабдили неудачными, на мой взгляд, цветовыми акцентами. И т. д. Да и общее цветовое решение стало блеклым,

будто кто-то хотел намеренно лишить иллюстрации былой выразительности. Вопросы: какова цель подобных «улучшений» и кто их автор? (Labirint.ru, 2020).

В данном случае читатели скрупулезно сличают советские издания (1958, 1971 и 1980 гг.) с новейшим переизданием. Издательство публикует произведение с теми же иллюстрациями Леонида Владимирского, что были размещены в советских изданиях. Очевидно, что читатели более активно реагируют на переиздания книг с устоявшимся и тиражируемым еще в советское время оформлением: републикации, воспроизводящие иллюстрации, выполненные некогда признанными художниками — Владимиром Лебедевым, Владимиром Конашевичем, Валерием Алфеевским, Виктором Чижиковым, Леонидом Владимирским и др., провоцируют более энергичное обсуждение, нежели те, которые были оформлены менее прославленными иллюстраторами или вовсе не имели иллюстраций.

Малейшие отклонения от «первоисточника» у покупателей вызывают отторжение и даже негодование. Комментаторы соревнуются в дотошном сравнении редакций, сопоставляют варианты изданий внутри серии (малый и увеличенный форматы), сравнивают с публикацией этого произведения в других издательствах. Время от времени они вступают в диалог, но более заметна тенденция к изолированной реплике — читатель публикует свой разбор нового переиздания, не стараясь отозваться на опубликованные выше. В этом видится скорее потребность высказать индивидуальные наблюдения и оценки относительно новой книги из домашней библиотеки, нежели соотнести свою позицию с другими. Групповая идентичность важна здесь в меньшей степени, чем частный взгляд на прошлое сквозь призму настоящего — на книгу из детства в ее новом материальном воплощении (но тут важно учитывать и специфику жанра отзыва на книготорговых сайтах, где дискуссия мало приветствуется).

В оценках отклонений от изданий детства доминирует охранительный дискурс, приветствуется точное воспроизведение, а отклонения (о чем было сказано выше) трактуются как порча и даже надругательство над памятью:

Сейчас при наличии такой техники книгопечатания неужели нельзя не коверкать, иначе не скажешь, эту книгу ведь она можно сказать стала нашим достоянием, не одно поколение выросло на этой сказке и любят ее по сей день. (...) Господа давайте уважать свое прошлое каким оно бы не было, свою культуру и искусство, а детскую литературу особо ибо то, что прочитано в детстве никуда не уйдет из памяти. Надо беречь и бережно относиться к сказкам, к другой большой литературе и поэзии. Тем самым мы отдаем дань памяти нашим предкам... (Labirint.ru, 2020; об А. Волкове).

Абсолютизация свойств памяти о книгах, прочитанных в детстве («никогда не уйдет из памяти»), в сочетании с генерализацией («дань памяти нашим предкам») задает аксиологическую планку, призванную увеличить символический капитал некогда прочитанных книг, встроить их в ряд неоспоримых символов прошлого. Тонкие механизмы настройки индивидуальной памяти

(воспроизведение некогда пережитой эмоции при помощи тактильных и зрительных ассоциаций) в таких рассуждениях заслоняются охранительной риторикой, направленной на монополизацию права на ресайклинг материальных и символических объектов из прежних эпох. Для этой риторики характерна инструментализация результатов технологического прогресса («при наличии такой техники книгопечатания»): достижения настоящего должны использоваться для точного дублирования продуктов прошлого⁸.

«Книжный дозор» не только присматривает за соблюдением традиций российского книгопечатания для детей, но и следит за максимально приближенным к оригиналу тиражированием, дублированием артефактов (и смыслов) из прошлого. Защита прошлого — это и защита своего детства, а следовательно, надежное средство защиты себя в мире текущих вызовов — «ты с кем?» В рефлексиях о тех самых книгах можно видеть возвращение не к роду, не к племени, а к себе-ребенку. Уже не столь важно то, что беспокоило Высоцкого: нужные или ненужные книги ты читал в детстве. Идентичность на книгорыбовых сайтах конструируется за счет чтения тех книг. *Те* в данном случае — это указательное местоимение, дейктический элемент, маркирующий уподобление этих книг и тех самых. А чтобы опознать те или не те, их нужно увидеть, потрогать, прочитать тот текст и таким образом обрасти себя.

Другим способом актуализировать память детства стали переиздания советских детских книг с комментариями. В этом случае именно содержание произведения (а не иллюстрации или точное воспроизведение текста) становится фокусом внимания взрослых читателей, а комментарии к произведению — слоем, который дает данные о быте той эпохи, помогает ее припомнить и узнатъ, а детям комментарий должен помочь правильно понять текст. Издатели берут на себя обязанность растолковать взрослым, и детям послание, отправленное несколько десятилетий назад. Если взрослые припоминают известные им некогда реалии, то дети узнают их впервые, приближаясь тем самым, по мнению издателей, к прочтению знающих взрослых. Наиболее заметным примером таких изданий стала серия книг издательского проекта Ильи Бернштейна «А и Б» [Коваль 2016; Драгунский 2017; Некрасов 2017]. В отзыве на переиздание трилогии Юрия Коваля читательница пишет:

Отличная книга! Ребенок увлечен приключениями Васи, а мы с мужем с ТАКИМ удовольствием прочитали комментарии! Они не заудно-детальные, а яркие, дающие возможность вспомнить приметы и быт того времени. Очень рекомендую :-) (Labirint.ru, 2017).

Под «тем временем» читательница, видимо, имеет в виду 1970-е годы или следующее десятилетие (первая часть трилогии была опубликована в 1971 г.), однако исследователи трилогии указывают на многочисленные анахронизмы, которые можно обнаружить у Коваля: «...с предметным миром 1960-х в “Приключениях Васи Куролесова” соседствуют реалии из более раннего времени» [Лекманов и др. 2016: 198], и сам писатель это подтверждал: «...какого време-

⁸ Эта стратегия редизайна используется и в других контекстах и дискурсах: в воссоздании брендов «Сделано в СССР», «ГОСТ» и т. п.

ни мои детективы — это трудно очень сказать. Они вроде и сегодня, а вроде и вчера, не поймешь <...> примет времени я стараюсь не делать. Скажем, сегодняшнего дня. Как бы немножечко все же вчера» (цит. по: [Там же: 198–199]. Для читательницы столь разное «то время» спрессовалось в некое единое прошлое, которое можно «вспомнить», прочитав комментарии (включающие в том числе фотографии отдельных предметов быта и культурного ландшафта). Здесь мы имеем дело с парамнезией — ложными воспоминаниями. Впрочем, для идентификации себя с теми, кто любит книги «советского века» детской литературы, этого достаточно. Советское здесь не специфично — это позавчерашнее время, не очень удаленное, это не незапамятные времена, а памятные — времена детства, когда были красивые и хорошие книги⁹. Поэтому в списках литературы, созданных теми, кто «вырос в 90-е», можно обнаружить и Чуковского, и Носова, и детективы из серии «Черный котенок», и романы сестер Воробей.

Потребители переизданий советских книг, таким образом, конструируя свою ретроидентичность, нацелены на то, чтобы получить точное воспроизведение текста как последовательности буквенных знаков — полноту и соответствие текста авторитетному источнику (как правило, той версии, которая была в детстве), полноту состава сборников и циклов произведений¹⁰, точное воспроизведение иллюстраций и точное понимание смысла («правильно понять»). Точному воспроизведению текста-образа-смысла способствует точное возобновление тактильных¹¹ и зрительных ощущений, характер которых соотносится с припоминаемыми детскими ощущениями. Детское не проблематизируется в подобном дискурсе, оно лишено травматичности, фрагментировано и стянуто к одному из артефактов детства — прочитанной некогда книге. Аллан Мегилл писал, что «nostalgia связана с ощущением удовлетворенности идентичностью настоящего, порождающим этуnostalgию» [Мегилл 2009: 148]; читатели переизданий советских книг — это люди, укорененные в «счастливом детстве с книгой в руках».

Заключение

Вынесенное в название статьи понятие *ресайклинг* трактуется мною в соответствии с концепциями культурного ресайклинга как повторного использования (или переработки) культурного материала [Moser 1998]. Нельзя сказать, что все советские детские книги «перерабатывают», что они макулатура, под-

⁹ Ср. ошибочную атрибуцию времени создания иллюстраций Конашевича в читательском отзыве о переиздании «Веселого счета» (2017) Маршака: «Так как я мама 3-х летнего сына, то эту книгу покупала для того, чтобы приятное совмещать с полезным:). Спасибо издательству “Мелик-Пашаев” за серию “Тонкие шедевры [sic!] для самых маленьких”, вы возвращаете нашим детям хорошие книги из далеких 80-х годов» (Labirint.ru, 2014). Иллюстрации к этому произведению Конашевич создал много ранее, но для читательницы точкой отсчета становится момент ее собственного знакомства с книгой Маршака.

¹⁰ Особенно это заметно при обсуждении переизданий Драгунского, для которых характерно усиленное внимание к тому, «все» или «не все» Денискины рассказы вошли в обсуждаемый сборник.

¹¹ «Книга получилась ладненькая, приятная, полное ощущение, что держишь в руках советское издание, привередам будет трудно к чему-либо придаться» (Labirint.ru, 2017).

вергаемая переработке. Однако метафора ресайклинга кажется вполне применимой к изложенному материалу. С одной стороны, речь идет о непрерывном обращении (и издателей, и читателей) к какой-то части советской детской литературы (ее переиздании и перечитыванию), но с другой — какая-то часть, не вошедшая в читательские списки и издательские каталоги, превратилась в макулатуру, отринута и погибла на задворках памяти и библиотек. Произведения Агнии Барто и Александра Волкова переиздаются, а Иосифа Ликстанова и Антонины Голубевой — нет¹². Разрыв 1990-х годов не преодолели очень многие авторы советской детской литературы, некогда обласканные премиями и тиражами (причины забвения их творчества еще предстоит изучить). Однако те, кто преодолел рубеж веков, держатся не только за счет книгоиздательской инерции, но и по причинам, связанным со спецификой «ключевых текстов» литературы. Во-первых, они хорошо сохраняются в памяти в силу того, что передаются из поколения в поколение в процессе чтения вслух взрослыми детям (содержательной доминантой переиздаваемой советской классики являются сюжеты игровой поэзии 1920-х и сказочной прозы 1950-х годов), а во-вторых, сопровождаются специфическим культом советского оформления детской книги (прежде всего иллюстрирования), сложившимся еще в советское время и сохраняющимся после окончания советской эры. Следствием этого культа у современных читателей является потребность воссоздать зрительные и тактильные впечатления, полученные в детстве при чтении советских изданий. В то же время важное значение, как я пыталась показать, имеет и культивируемая память о счастливом детстве и детском чтении как части этого феномена. Складывается впечатление, что знаменитая литературоцентристичность российской культуры в последние годы проявляется и в моде на потребление «тех самых книжек», среди которых не только (и не столько) Пушкин и Ершов.

На сохранение книги в товарообороте влияет сразу несколько факторов: и актуальное (т. е. вневременное) содержание, которое должно быть лишено сиюминутной политической злободневности (поэтому можно прогнозировать устаревание творчества Михалкова), и иллюстрирование изданий, признанное некогда шедеврами оформительского искусства (поэтому те книги, что иллюстрировались успешными художниками, имеют больше шансов на выживание), и коллективное желание ностальгирующих о детстве взрослых удержать книгу в поле зрения и чтения за счет внесения в самые разные публичные списки «лучших книг» и готовности покупать переиздания с известными с детства иллюстрациями. Совпадение всех перечисленных свойств способствует тому, что не все книги советских детских писателей закончили свой век в фондах «дальнего хранения» публичных библиотек и пунктах переработки бумажного и картонного сырья.

Источники

Драгунский 2017 — Драгунский В. Рыцари и ещё 60 историй: Собрание Денискиных рассказов с комментариями Ольги Михайловой, Дениса Драгунского, Ильи Бернштейна. М.: Изд. проект «А и Б», 2017.

¹² До второй половины 1980-х «Малышок» Ликстанова и «Мальчик из Уржума» Голубевой переиздавались регулярно и значительными тиражами.

- Ерофеева б. д. — [Ерофеева Н.] О чувстве ностальгии и любимых старых книжках // Лабиринт. Б. д. URL: <https://www.labirint.ru/child-now/novaya-staraya-knizhka>.
- Коваль 2016 — Коваль Ю. Приключения Васи Куролесова; Промах гражданина Лошакова; Пять похищенных монахов: Трилогия о Васе Куролесове с комментариями Олега Лекманова, Романа Лейбова и Ильи Бернштейна. М.: Изд. проект «А и Б», 2016.
- Маршак 1972 — Маршак С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Худ. лит., 1972.
- Некрасов 2017 — Некрасов А. Приключения капитана Врунгеля / Авт. comment. И. Бернштейн, Р. Лейбов, О. Лекманов. М.: Изд. проект «А и Б», 2017.
- Сергей 2015 — Сергей. Это просто фантастика! Детская. Советская // Назад в СССР / Back in USSR. 2015. [5] февр. URL: <https://back-in-ussr.com/2015/02/eto-prosto-fantastika-detskaya-sovetskaya.html>.
- shila 2013 — shila. Забытые детские и подростковые книги // LiveLib. 2013. 20 янв. URL: <https://www.livelib.ru/selection/14444-zabytые-detskie-i-podrostkovye-knigi>.

Литература

- Гаспаров 2001 — Гаспаров М. Marshak i vremya // Гаспаров М. О русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001. С. 410–430.
- Головин и др. 2013 — Головин В., Лучкина О., Маслинская С., Сергиенко И. Еще раз о списке «100 книг» // Детские чтения. Т. 4. № 2. 2013. С. 190–200.
- Гончарова 2014 — Гончарова Д. В. История издания сказочной повести А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» (1939–2012): Диплом. работа / Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2014.
- Лекманов и др. 2016 — Лекманов О., Лейбов Р., Бернштейн И. Комментарий // Коваль Ю. Приключения Васи Куролесова; Промах гражданина Лошакова; Пять похищенных монахов: Трилогия о Васе Куролесове с комментариями Олега Лекманова, Романа Лейбова и Ильи Бернштейна. М.: Изд. проект «А и Б», 2016. С. 196–284.
- Литовская 2012 — Литовская М. А. Ключевые тексты русской литературы в программе преподавания русского языка как неродного // Филология и культура = Philology and Culture. 2012. № 2 (28). С. 68–70.
- Мегилл 2009 — Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. с англ. М.: Канон +; РООИ «Реабилитация», 2009.
- Ямпольский 2007 — Ямпольский М. Настоящее как разрыв: заметки об истории и памяти // Новое литературное обозрение. 2007. № 1. С. 51–74.
- Moser 1998 — Moser W. Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique // La Recherche littéraire: Objets et méthodes / Sous la dir. de C. Duchet, S. Vachon. Montréal (Québec): XYZ, 1998. P. 433–445.

References

- Gasparov, M. (2001). Marshak i vremia [Marshak and time]. In M. Gasparov. *O russkoi poezii* (pp. 410–430). Azbuka. (In Russian).
- Golovin, V., Luchkina, O., Maslinskaya, S., & Sergienko, I. (2013). Eshche raz o spiske “100 knig” [Once again about the list of “100 books”]. *Detskie chteniia*, 4(2), 190–200. (In Russian).
- Goncharova, D. V. (2014) *Istoriia izdaniia skazochnoi povesti A. M. Volkova “Volshebnik Izumrudnogo goroda” (1939–2012)* [The history of publishing the fairy tale by A. M. Volkov *The Wizard of the Emerald City* (1939–2012)] [Unpublished diploma work]. Saint-Petersburg State University of Culture and Arts. (In Russian).

- Iampol'skii, M. (2007). Nastoiaishchee kak razryv: zametki ob istorii i pamiati [The present as a gap: Notes on history and memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007(1), 51–74. (In Russian).
- Lekmanov, O., Leibov, R., & Bernshtein, I. (2016) Kommentarii [Commentaries]. In Iu. Koval'. *Prikliucheniia Vasi Kurolesova; Promakh grazhdanina Loshakova; Piat' pokhishchennykh monakhov: Trilogia o Vase Kurolesove s kommentariiami Olega Lekmanova, Romana Leibova i Il'i Bernshteina* (pp. 196–284). Izdatel'skii proekt "A i B". (In Russian).
- Litovskaia, M. A. (2012). Kliuchevye teksty russkoi literatury v programme prepodavaniia russkogo iazyka kak nerodnogo [Key texts of Russian literature in the program of teaching Russian as a foreign language]. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2012(2(28)), 68–70. (In Russian).
- Megill, A. (2009). *Istoricheskaiia epistemologiiia* [Historical epistemology; Trans. from selected works by A. Megill]. Kanon+. ROOI "Reabilitatsiia". (In Russian).
- Moser, W. (1998) Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique. In C. Duchet, S. Vachon (Eds.). *La Recherche littéraire: Objets et méthodes* (pp. 433–445). XYZ. (In French).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Светлана Геннадьевна Маслинская
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, 4
Тел.: + 7 (812) 328-19-01
✉ braunknopf@gmail.com

Svetlana G. Maslinskaya
Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, Research Center
for Russian Children's Literature, Institute
of Russian Literature (The Pushkin House),
Russian Academy of Sciences
Russia, 199034, St. Petersburg, Makarov
Emb., 4.
Tel.: +7 (812) 328-19-01
✉ braunknopf@gmail.com